

Рецензии

АЛЕКСАНДРА С. ПРОКОПЕНКО

Независимый исследователь, Москва

Светопреставление по месту жительства

Рецензия на книгу: Слезкин Ю.Л. (2019)
Дом правительства: Сага о русской
революции, М.: АСТ, CORPUS

doi: 10.22394/2074-0492-2019-4-223-231

223

В издательстве АСТ весной 2019 года вышла книга историка-слависта, профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слезкина «Дом правительства». Эта книга — результат двадцатилетнего исследования русской революции, историю которой Слезкин изучал через призму повседневного быта обитателей знаменитого Дома на Набережной — жилого дома для советской элиты на Болотном острове. Книга была написана на английском языке и впервые увидела свет в 2017 году, попав в списки бестселлеров многих западных изданий. «Советская “Война и мир”», — окрестила ее советолог Шейла Фицпатрик в рецензии для London Review of Books [2017].

В основу тысячестраничной работы легли многочисленные интервью, дневники, воспоминания и фотосвидетельства руководства партии большевиков, их родственников и друзей, шире, советской элиты и номенклатуры, обитавшей в жилом комплексе на набережной Москвы-реки, построенном в 1931 году по проекту архитектора Бориса Иофана. Дотошная работа Слезкина с первоисточниками, уникальный материал, внимание автора к деталям позволяют

Прокопенко Александра Сергеевна — магистр социологии, независимый исследователь. Научные интересы: социология государства, антропология и этнография бюрократии. E-mail: a.sproe@gmail.com

Alexandra S. Prokopenko — MA in Sociology. Independent researcher. Research interests: sociology of state, anthropology and ethnography of bureaucracy. E-mail: a.sproe@gmail.com

не только читать эту книгу как увлекательный исторический нон-фикшн, но и использовать в качестве богатейшего этнографического справочника повседневности советской элиты.

В предисловии автор сам объясняет, как правильно читать «Дом правительства»: «в книге три этажа. На первом — семейная сага о жителях Дома правительства. ...Второй этаж — аналитический. В начале книги большевики характеризуются как сектанты, готовящиеся к апокалипсису. ...Третий этаж — литературный. Для старых большевиков чтение “сокровищ мировой литературы” было обязательной частью обретения веры, ритуалов ухаживания, тюремных университетов и домашней повседневности» [12]. Все три уровня, по замыслу Слезкина, сходятся в эпилоге, посвященном повести Юрия Трифонова «Дом на набережной». У книги Слезкина два адресата. С одной стороны, Слезкин обращается к широкой публике, интеллигенции, взгляды которой на историю XX века после прочтения не могут остаться прежними. Другой адресат — сообщество исследователей: историков, социологов и этнографов. Последовательное перечисление в предисловии ключевых источников, писем и дневников обитателей Дома на набережной, видных большевиков Александра Аросева, Бориса Збарского, Арона Солнца, Якова Свердлова и других выглядит как предложение перепроверить выводы автора.

Критика или, вернее сказать, оппонирование этой книге возможно лишь на путях социологического анализа базового тезиса Слезкина: Дом на набережной — это эмблема нового мира, воздвигнутая не государством, не политической партией, не группой бюрократов, а сектой, религиозным культом, первые адепты которого поклонялись идее необходимости покончить со старым миром и построить новый, постапокалиптический. Смещение акцента с политики и марксистской философии на вопросы веры производит странный эффект. Речь больше не идет об истории политического проекта, речь идет о метафизической проблеме продления в поколениях того, что продлено быть не может, а именно продления личного завета с апокалиптическим мышлением. Обобщая, можно сказать, что главной проблемой книги является вопрос о статусе тезиса «большевики — это секта». Если речь о метафоре, вся конструкция становится зыбкой. Если все всерьез, тогда у книги есть «слепое пятно». Ни разу не упомянув в «Доме правительства» Карла Мангейма и его знаменитое различие между идеологией и утопией, Слезкин как будто пытается заново изобрести его, решая проблему, почему утопия не хочет стать идеологией, хотя очевидно, что она попросту не может этого сделать. Слезкин, действуя наперекор традиции, пытается отграничить миллениаризм от утопии, последняя имеет своим пределом некоторый позитивный проект будущего мироустройства, первый лишь требует по-

кончить с мироустройством, данным в ощущениях. Но это получается плохо. Любой компетентный социолог сможет разглядеть в драме большевиков, выписанной в «Доме правительства», давно известный конфликт между двумя трансцендентными порядками: идеальным порядком, отражением которого является жизнь как она уже есть (идеология), и идеальным порядком, который требует разрушить эту самую жизнь (утопия).

Секта свидетелей конца света

Итак, главная ставка автора, его программная идея состоит в том, что большевики — это немногочисленная секта милленаристов, замкнутое сообщество фанатично верующих в конец света, после наступления которого наступит тысячелетнее царство правды и добра. Они не только верят в это, но и собственными руками приближают этот конец. По Слезкину, большевизм и, шире, русский марксизм нужно извлечь из политического контекста и рассматривать как часть тысячелетнего религиозного движения, где мировая революция, которая приведет к краху действующего миропорядка, и есть конец света, а социализм и коммунизм, которые наступят за ней, есть новое блаженное царство.

225

Слезкин пишет, что «не имеет значения» [85], являлась ли вера революционеров Свердлова, Сольца и Осинского религией. Используя дюркгеймианскую оптику, автор говорит о сакральности революции, а функция сакрального по Дюркгейму, как известно, состоит в объединении людей в сообщество: «Любая всеобъемлющая идеология формирует и отражает нравственное сообщество, а светлая вера Свердлова служит неподвижным центром в болоте субъективного опыта и связывает подпольных социалистов с конечными условиями их существования» [86]. Маркс, по крайней мере «русский Маркс» в такой оптике — вовсе не наследник дела Гегеля и Фейербаха.

«Милленаризм — это мстительная фантазия обездоленных, надежда на великое пробуждение посреди великого разочарования» [105], указывает Слезкин, подробно описывая историю милленаристских движений от первых «пророков-милленаристов» Христа и Мухаммеда до пророчеств Джузеппе Мадзини и Адама Мицкевича о великом будущем Италии и воскрешении независимой Польши. Далее Слезкин обнаруживает сходство между нарративом Маркса об эмансипации Германии [114] и нарративами Мицкевича и Мадзини, однако успех Маркса в том, что он перевел «племенное» пророчество (об эмансипации Германии от евреев) на язык универсализма, то есть освобождения от капитализма и воскрешения человечества.

Глава «Вера» является ключевой для понимания концептуализации миллениаризма большевиков по Слезкину. Он отказывает Марксу и Энгельсу даже в звании утопистов, в отличие от Сен-Симона и Фурье они интересовались не природой «будущего совершенства», а стратегией и тактикой приближения «царства свободы». Сочинения Маркса и Энгельса, которые будущие революционеры читают по дороге из гимназий и университетов в ссылку и на каторгу, не просто конституируют их мировоззрение, но воспринимаются буквально как скрижали завета. Иногда даже кажется, что русская революция появилась именно в ссылке, и если бы режим не ссылал «революционеров», давая им время и возможность для изучения текстов Маркса как новой Библии, то и история могла бы сложиться иначе.

226

Автор вынужден подкреплять социологическую концептуализацию секты обращением к чисто литературным источникам, что само по себе, если речь идет о теоретической ставке автора, вызывает вопросы. В раннесоветской прозе Платонова, Бабеля и Серафимовича Слезкин обнаруживает трехчастную символику Апокалипсиса, распятия и Исхода: гражданская война, героическая гибель красных героев и наступление светлого коммунистического будущего. Роль литературы в книге постепенно меняется: из «сырья», иллюстрирующего состояние умов большевиков, она превращается чуть ли не в главное действующее лицо. Говоря о крахе большевистского проекта как религиозного культа, Слезкин утверждает, что именно смена корпуса чтения рождает конфликт «отцов» и «детей», не желающих присоединяться к делу строительства нового мира.

Дети не хотят идти по стезе отцов, и вера в дивный новый мир постепенно ослабевает. Большевизм оказывается недостаточно тоталитарен: «дети большевиков не читали Маркса — Энгельса — Сталина дома, а после того, как система образования была перестроена вокруг Пушкина и Тургенева, все советские дети перестали читать их в школе. Дома дети большевиков читали сокровища мировой литературы... А все сокровища мировой литературы единодушны в проповеди антиапокалиптического гуманизма» [845].

Новый быт на болоте

Одна из ключевых метафор книги — метафора болота, которая служит опорой основного концепта Слезкина и постоянно появляется в тексте. Повествование начинается с описания Замоскворечья и Болотной площади: локации фабричных рабочих, лавочников, золотошвейных мастерских и заводских складов: «Над рынком стоит гул от криков, смеха, свиста... Под ногами грязное месиво» [29]. В 1931 году на этом месте возникнет Дом правительства, как «про-

тивопоставление железной твердости чему-то похожему на кисель» [149]. Болото — не только пространственный и исторический контекст большевизма, но и опыт собственной прошлой жизни, который нужно преодолеть, чтобы построить новый мир.

Государство и дом для его правителей строятся фактически одновременно. До появления Дома на набережной никто не знает, каким должен быть образцовый коммунистический быт. Большевики переехали в Москву из Петербурга в марте 1918, и практически сразу встал вопрос: куда заселять ответственных партийных работников? В непосредственной близости от Кремля, где все руководство с семьями не могло поместиться чисто физически, возникают пять домов Советов. Они «осаждались старьевщиками, точильщиками, попрошайками, накрашенными дамами, барышнями с локонами и хулиганами», переходившими всякие границы, вплоть до «обнажения скрытых частей тела и разбитья стекол в окнах» [211]. Согласно отчету 1920 года, Второй Дом Советов, «освобожденный от буржуазии в тяжких муках революционной борьбы, превратился в вертеп шкурного элемента». Главными нарушителями при этом были сами жильцы: они спали в сапогах, нарушая распорядок, носили в комнаты еду и кипяток, там же кололи дрова и пользовались запрещенными печурками и примусами. Семьи разрастались, дефицит товаров усугублялся специфическими «трудностями коммунистического быта» [212]: некоторые руководители держали отдельные квартиры для вторых жен.

227

Как миру была показана революция, так большевикам был показан радикально новый быт. Споры о том, как он должен выглядеть идут все 20-е годы прошлого века. Быт тянет за собой этику, нельзя установить пропускной режим, не решив, кто имеет право ходить в гости к руководству страны, а кто нет.

«На мое заявление, что пусть живущий в № 408 товарищ Ландер даст мне расписку, что он за нее ручается, она позвонила в № 408, тов. Ландер мне предложил без всякого пропускать, я предложил товарищу Ландеру требовать от своих знакомых, чтобы они носили с собой документы, он мне ответил, что это его жена, по имеющимся данным, зная что тов. Ландер зачислен у нас как одинокий и неоднократно видел утром рано, днем и поздно вечером из его комнаты разные дамы, факт, который могут подтвердить некоторые мои сотрудники и 6 ноября вечером около 11 час. после закрытия пропусков он хотел провести к себе двух молодых барышень, но тов. Клааром было категорически отказано, на основании этих и других данных, я спросил тов. Ландер, какая-же жена, у Вас по всей вероятности их около полдюжины и обещал ему после дать объяснение. Он явился в Контору около 2 час. и требовал от меня ответа, я ему обещал после дежурства дать ответ, он был этим не доволен

и бросал разные слова, что вы не мой отец, не поп и не покровитель, что Вы от меня желаете. На что я ему ответил, что я желаю, чтобы из 2-го Дома Советов не устраивали-бы бардак. Он мне сказал, что Вы нахал, я ему ответил, что если я по Вашему мнению нахал, то Вы по моему мнению десять раз больше нахала и просил его оставить Контору [...]» [212-213].

В отрывке отчета заведующего Вторым домом Советов Росфельдта, который цитирует Слезкин, сочетаются формальное письмо служащего, язык рабочего, его моральная точка зрения и запрос на моральное поведение руководства (Ландер был переведен из Донского ЧК в московский агитпроп). «Может быть, я слишком морально смотрю на такие явления, но я воспитан в стране, где рабочий класс на семейную жизнь смотрит с другой более моральной точки зрения», заканчивает свое письмо Росфельдт и просит об отставке. Конфликт между аморальным «буржуазным поведением», которое демонстрирует Ландер и другие, и неэксплицированной, несуществующей еще в тот момент этикой коммуниста, которую по-своему понимает Росфельдт, требовал решения.

228

Основой коммунистической этики являются интересы дела, цитирует Слезкин Арона Солнца: «добром считается то, что помогает сокрушить классовых врагов, научиться хозяйствовать на социалистических началах». Строительство жилья определенного типа для коммунистов — один из способов принуждения к социалистическому хозяйствованию, принуждения себя прежде всех остальных. В 1970-е эта логика была описана Мишелем Фуко: правящие классы всегда применяют новые диспозитивы и дисциплинирующие практики сначала на себе и лишь затем на всех остальных [Elden 2016]. Став правящим классом, большевики должны сначала дисциплинировать себя, чтобы потом сделать это со всей страной.

Большинство жилых проектов того времени — «дома-коммуны», которые, по мнению Луначарского (цитата по Слезкину), «должны были ясно, но разнообразно выделять свою внутреннюю сущность, т. е. то обстоятельство, что их индивидуальные жилища расположены вокруг их группового частного сердца — их культурно-клубных помещений». Это решение — два дома в одном, квартиры для семей и общественные помещения для сообщества — должно стать компромиссом между голым коллективизмом военного коммунизма, над которым издевался один из идеологов Дома правительства Михаил Кольцов, и пошлостью буржуазного уюта. «Вечный дом» на Берсеневской набережной был задуман как эталон, образец того, как новым людям следует жить в новом мире.

В Доме было два блока: коммунальный «для удовлетворения широкого круга потребностей» и квартирный для «замкнуто-семейного быта». В корпусах находились прачечная, банк, гимнасти-

ческие залы, ясли, почта и телеграф, продовольственный и промтоварный магазины и кино клуб с раздвижной крышей. В жилой части семь десятиэтажных и одиннадцатиэтажных зданий, разделенных на двадцать четыре подъезда. В квартирах были жилые комнаты, ванная, туалет, кухня с газовой плитой и мусоропроводом, а также спальная полка для прислуги. Квартиры выделялись на семью, но по мере разрастания семей (рождались дети, выписывались родственники из деревень, взрослые женились и разводились) первоначальные планировки «поплыли». Бывшая жена и дети могли жить в одном коридоре с новой женой и детьми, а муж и ответственный работник делил свое время между квартирами и семьями. Революционер Александр Аросев разрывался между тремя квартирами: он жил в Доме правительства с двумя дочерьми от первого брака, их гувернанткой и служанкой; его новая жена и их маленький ребенок жили по соседству; его первая жена и другая дочь жили в другом здании. Старая и новая жены могли жить в одной квартире (например, как в семье Николая Бухарина). Новый эталонный быт сразу же не заладился: от примусов избавиться удалось, но в остальном практики и привычки первых Домов Советов переехали по новому адресу.

229

В глаза бросаются еще несколько странных особенностей жизни обитателей «Дома правительства». Во многих семьях были приемные дети, взятые на воспитание дети погибших или арестованных друзей или родственников, просто заблудившиеся беспризорники. Обязательной частью жизни была «бабушка», обращает внимание Фицпатрик: не обязательно мать кого-то из родителей, возможно, просто пожилая родственница или горничная из сельской местности. Как отмечает Слезкин, высокие советские чиновники не страдали от ужасов коллективизации, но почти каждый ребенок, выросший в Доме правительства, был воспитан одной из жертв этой коллективизации.

Конец антиутопии

В оптике быта и повседневной жизни Дома на набережной история партии и история страны становятся чем-то вроде истории о компромиссах, каждый из которых выглядит как мелкая уступка. Однако, сложив их вместе, можно исчерпывающим образом объяснить, и почему партия перестала быть сектой, и почему советский проект ожидал крах. Компромиссы в кругу чтения дополняются компромиссами в быту, компромиссы в быту — компромиссами в личной жизни, а те в свою очередь политическими компромиссами. Горьковская «Библиотека всемирной литературы» и горячая вода, которой пользуются жители Дома на набережной, но кото-

рую еще не провели в Кремль, по отдельности вроде бы не опасны, но сложив их вместе, любой читатель Слезкина может объяснить, что было не так с советской элитой. Гуманистическая литература и коммунальный раек прикончили большевизм еще до того, как Сталин отправил почти всех его вождей под нож.

Это и достоинство, и проблема текста. Метафорика «большевистской секты миллениаристов» герметизирует книгу: за скобками остаются все остальные жители страны Советов, которым не посчастливилось попасть в периметр Дома на набережной. Исключено и советское государство, которое постепенно вытесняет революцию в качестве того сакрального, что сплачивает верхние этажи уже не секты, а массовой формальной членской организации, которой ВКПб становится после Гражданской войны.

230

Ссылаясь на Вебера, Слезкин пишет, что государство, которым тогда управляли большевики, было незрелой иерократией с серьезными унитарными амбициями. Оно не сумело измениться, оставшись, как и Дом правительства, памятником первому поколению большевиков: «Советское государство до конца оставалось идеократией (теократией, иерократией). Все политические решения принимались партией, легитимность которой коренилась в изначальном пророчестве. Секта (братское сообщество верующих, противостоящее окружающему миру) превратилась в духовенство (иерархическая корпорация профессиональных посредников между изначальным пророчеством и членами сообщества верующих), но вера осталась прежней» [843].

Но, мысля советское государство в терминах Вебера, невозможно обойтись без описания характера господства, которое стремительно менялось в описываемый Слезкиным период. Фокусировка на секте и доме, который она построила, позволяет оставить за скобками не только жителей СССР, но и фигуру Сталина, хотя именно с ним связано изменение рационального характера господства Политбюро на харизматический. И при Сталине, и после него партия опиралась на бюрократический аппарат «такого рода, каким его создал капитализм» [Вебер 2016: 256] и должен был перенять «рациональный социализм». Капиталистическое и социалистическое бюрократическое управление имеет одинаковые рациональные основания, но миллениаристская вера и пророчества не создают строгих формальных правил для работы бюрократического штаба.

Здесь Вебер и Мангейм могут вместе возразить Слезкину. Утопии не могут стать идеологиями, а право и правление не могут иметь своим основанием только сектантскую солидарность, которая требует адресовать все свои действия или аффекту или ценности разрушения старого мира. Возможно, крах большевизма, как и распад СССР, были неизбежны, но все же они не были обусловлены только

неспособностью большевиков «рутинизировать» собственную веру горячей водой и хорошими библиотеками, в которых не осталось Маркса, зато были Рабле и Сервантес. Однако эти скромные возражения — вовсе не повод не читать книгу Слезкина. Книги, подобные этой, пишутся всего несколько раз в столетие и нам посчастливилось застать одну из них на нашем веку.

Библиография / References

Вебер М. (2016) Хозяйство и общество. *Социология*, т. 1, М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Weber M. (2016) Economy and Society. *Sociology*, 1, М.: Publishing House of the Higher School of Economics.

Fitzpatrick S. (2007) Good Communist Homes. *London Review of books*, 39(15): 3-7. URL <<https://www.lrb.co.uk/v39/n15/sheila-fitzpatrick/good-communist-homes>>

Elden E (2016) Foucault's last decade. Malden, MA: Polity.

Рекомендация для цитирования:

Прокопенко А.С. (2019) Светопреставление по месту жительства. Рецензия на книгу: Слезкин Ю.Л. Дом правительства: Сага о русской революции, М.: АСТ, CORPUS, 2019. *Социология власти*, 31 (4): 223-231.

231

For citations:

Prokopenko A.S. (2019) Doomsday at the Place of Residence. Book review: Slezkine Y. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution, М.: AST, CORPUS, 2019. *Sociology of Power*, 31 (4): 223-231.

Поступила в редакцию: 15.12.2019; принята в печать: 20.12.2019

Received: 15.12.2019; Accepted for publication: 20.12.2019